

Александр Грязнов

О Джоне Сёрле

Вот уже три десятилетия имя Джона Сёрля известно философскому миру. Сёрль родился в 1932 г. в г.Денвер (штат Колорадо), высшее образование получил в университетах Висконсина и Оксфорда. С 1959 года он является профессором философии Калифорнийского университета в г.Беркли. Известность американскому философу принесла его первая книга «Речевые акты» (1969), за которой последовали «Выражение и значение» (1979) и «Интенциональность» (1983). Русскому читателю лишь недавно стали доступны небольшие публикации Сёрля, посвященные специальным проблемам философии языка¹. Так что «Сознание, мозг и наука» - первая книга американского автора, которая публикуется в России.

Сёрль — один из наиболее самобытных современных представителей аналитической традиции в западной философии, представленной такими выдающимися именами, как Б.Рассел, Дж.Мур, Л.Витгенштейн, А.Айер, Р.Карнап, Г.Райл. Особенно широкое распространение метода философского анализа в последние годы, его выход за пределы англосаксонского философского мира и популярность в иных регионах объясняются тем, что многие философы (и не только аналитики, но и, скажем, герменевтики или феноменологи) видят в анализе современный стиль мышления, характеризующийся особым вниманием к строгости аргументации, точности, избирающий и качестве своего предмета структуру философского рассуждения, его языковые средства.

Отечественному читателю прежних лет, знакомившемуся с «критикой буржуазной философии» по учебникам, в отношении аналитической философии повезло, пожалуй, меньше всего, Единственное исключение в этом плане составляют отдельные издания конца 50-х — начала 60-х годов, а также публикации текстов философов и методологов науки (которых трудно безоговорочно отнести к аналитической традиции) в 70-е годы. До середины 80-х годов в нашей литературе почти не использовался термин «аналитическая философия». Эталон неопозитивизма считалась ранняя доктрина логического позитивизма Венского кружка с ее экстремистской «антиметафизической» программой разрыва с традиционной философской проблематикой. Как известно, аналитическая философия давно размежевалась с таким «уклоном», восстановив свою связь с историей и мировым философским процессом. Более того, именно аналитическая философия из всех направлений современной западной философии в наибольшей степени сохраняет преемственность по отношению к классическому наследию, ассимилировав его главные проблемы. Об этом свидетельствует и публикуемый текст Сёрля, в котором рассмотрены едва ли не все «вечные» философские

¹ Сёрль Дж. Что такое речевой акт? - «Новое в зарубежной лингвистике». Вып. XVII. М., 1986; Классификация иллокутивных актов (там же); Косвенные речевые акты (там же); Природа интенциональных состояний [первая глава из книги «Интенциональность». — А.Г.] — Философия. Логика. Язык. М., 1987; Перевернутое слово. - «Вопросы философии», 1992, № 4.

вопросы. Конечно, терминология, в которой формулируются и решаются эти вопросы, существенно иная, чем в философии классической.

Незнание аналитической философии, думается, обеднило ситуацию, сложившуюся в отечественной философии самых последних лет. Освободившись от идеологического контроля и догматических пут, она приобрела одностороннюю экзистенциально-антропологическую направленность. Разумеется, значительная часть работ философов-аналитиков трудна для понимания, требует специальной логико-лингвистической подготовки, знания некоторых конкретных наук. Тем не менее ведущие аналитики за рубежом ищут все более широкую аудиторию, стремясь придать своим идеям общемировоззренческое звучание. Аналитическая философия сегодня уже не делается в «башне из слоновой кости», она перестает быть академической «забавой». И Рейтовские лекции Джона Сёрля — хороший тому пример. Кстати, его знаменитый предшественник Бертран Рассел, открывший эту серию в 1948 г, сам был замечательным популяризатором «строгой» философии. По стилю изложения и широкому охвату фундаментальных вопросов книга Сёрля сопоставима с работой Рассела «Проблемы философии» (1912), которую до сих пор многие считают лучшим современным введением в философию².

Что касается собственно теоретического содержания концепции Сёрля, то оно ближе не линии Рассела, а линии позднего Витгенштейна. Прямой его предшественник и учитель — английский философ Джон Остин (1911-1960), создавший теорию «речевых актов». Данная теория явилась развитием концепции Витгенштейна о «языковых играх» как целостных системах лингвистических и нелингвистических действий человека. Теория «речевых актов» нашла ряд приложений и вне сферы философии — в лингвистической прагматике.

Основной заслугой Сёрля является сближение понятия «речевой акт» с понятием «интенциональность», которое рассматривается как фундаментальное свойство психической репрезентации. Им, в частности, разработан формальный аппарат так называемой иллокутивной логики, придающий концептуальную строгость теории Остина. Не следует путать теорию интенциональности, которая разрабатывается в рамках аналитической философии, и теорию интенциональности, принадлежащую феноменологии. Их роднит лишь самое общее понимание смысла данного термина. Для Сёрля интенциональны такие ментальные состояния, как убеждения (верования), страхи, радости, надежды, желания, фантазии и прочее. Интенциональности присущ и своеобразный каузальный аспект. Долингвистическое, биологическое в своей основе свойство интенциональности, согласно Сёрлю, получает реализацию в «языке-действии», что позволяет исследовать ее, не прибегая к таинственной «идеации» и трансценденталистской терминологии. Таким образом, Сёрль выступает против отождествления интенциональности с сознанием, и уж тем более с «чистым сознанием» Гуссерля.

Конечно, указание на биологические корни интенциональности может вызвать подозрение в односторонней физикалистской ориентации Сёрля, в

² Russell B, The problems of philosophy. L, 1912.

его симпатиях к различным «научно-материалистическим» теориям тождества психического и телесного (нейрофизиологического), столь популярным сегодня на Западе. Однако уже первые главы Рейтовских лекций не оставляют сомнения в более глубокой, философской постановке и решении им психофизической проблемы. О том, что Сёрлю не свойственны сциентистские настроения, зачарованность новыми достижениями научно-технической мысли, свидетельствуют его критические рассуждения о когнитивизме, а также мысленный эксперимент («китайская комната»), указывающий пределы возможностей концепции «сильного искусственного интеллекта». Сёрль, как и его коллеги по Университету в Беркли Хьюберт и Стюарт Дрейфус³, не устает доказывать невозможность отождествления психики (в том числе сознания) и алгоритмизированной компьютерной программы, подчеркивая содержательно-семантический характер первой и формально-синтаксический характер второй. Трезвый, реалистический подход к модным «вычислительным» моделям психики выделяет Сёрля среди многих его коллег⁴.

Внимание читателя несомненно привлекут и изложенные в последних главах книги мысли Сёрля о специфике социального знания в сопоставлении со знанием естественнонаучным, о характере социальных законов, а также о свободе и детерминизме. Материал четвертой главы книги относится к пока еще малоизвестной у нас дисциплине — аналитической «философии действия» и поэтому, можно надеяться, вызовет особый интерес.

³ См. Dreyfus H.L., Dreyfus S.E. Mind over machine. The power of human intuition and expertise in the era of the computer. N.Y., 1986.

⁴ Справедливости ради следует упомянуть концепцию наиболее серьезного оппонента Сёрля Дэниэла Деннета, который, фиксируя эволюционно-биологическое (генетическое) происхождение человеческой интенциональности, разрабатывает широкую «интенциональную стратегию», позволяющую рассматривать в качестве «интенциональных систем» самые различные объекты (например, артефакты), доведение которых в определенном смысле предсказуемо и рационально (см. Dennett D. The Intentional stance. Cambridge, Mass., 1987).